

Виктор Жиров

Лапусик-Царапусик

Виктор Жиров

Лапусик-Царапусик

<https://litres.ru/74088833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот сборник — искрометные, честные и очень личные истории о том, как смеяться над собой, дружить всю жизнь и не терять ориентиры в современном мире. Автор, журналист и пиарщик, собрал воспоминания о своем «шумном» детстве в 90-х, студенчестве и взрослой жизни в окружении невероятной семьи и верных друзей. От поисков Гжели и дубовых экзаменов до битвы за можжевельник и дипломатии с ДПС — это калейдоскоп ярких, иногда абсурдных, но всегда теплых моментов, рассказанных в духе того времени. Приготовьтесь улыбаться, удивляться и, возможно, найти свои собственные воспоминания на страницах этой книги.

Содержание

Рассказы о дружбе, длиною в жизнь	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
БЮДЖЕТ НА ЧУДО	9
МОЯ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ ПО ИМЕНИ МАМА	13
ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ	17
ПЕРВОМАЙСКИЙ «ДЕБЮТ»	20
ПАРОЛЬ НА ВХОД В СЧАСТЬЕ	21
БОРОВИЦКИЙ МАНЕВР	24
КЛУБНИКА	28
САКВОЯЖ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ	31
ЖМУРКИ	34
БАБОЧКА, АНТЕННА И Р-Р-Р-РАЦИЯ	37
ПРАКТИКА СПУСКА НА МЕДВЕЖКЕ	40
ГЕНЫ КАМЕНКИ ИЛИ ВЕРСАЛЬ В КОНЮШНЕ	44
ВОТ ВАМ ИНТЕГРАЛ!	48
КУТЮРЬЕ ИЗ ТЕЛЕФОННОГО КАБЕЛЯ	52
ГРИБНОЙ НОВЫЙ ГОД	55
КАРЬЕРНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ	59
ЧУДЕСА НОЧНОЙ НАВИГАЦИИ	62
БАЛЕТ У ВАТЕРЛИНИИ	65

ВТОРОЙ РАЗРЯД ПО ЛЫЖАМ	68
МАЯКОВСКИЙ НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ	72
ЗА УШАМИ И МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ	75
ДРУЖБА	80
ПАЛЫЧ: ВЫСОКИЕ ОТНОШЕНИЯ	83
ОПЕРАЦИЯ «ХОМЯК»	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лапусик-Царапусик

Рассказы о дружбе, длинною в жизнь

ВИКТОР ЖИРОВ

Заметки журналиста на полях чужой и своей судьбы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

На дворе 2026 год. Мне сорок два.

Если бы меня попросили описать мою жизнь одним словом, я бы выбрал слово «шумная». В хорошем, самом теплом смысле. Дома у меня — вечный контраст: подрастает полуторагодовалый сын, который только учится исследовать этот мир, и одновременно с этим двое старших детей сдают выпускные экзамены, готовясь во взрослую жизнь. Рядом — моя любимая жена, мой главный причал.

А за нашими плечами стоит огромная, по-хорошему шумная семья, с купеческим и рабоче-крестьянским началом. Моя мама, брат со своей семьей, дяди, тети, бесконечные любимые и родные. Я обожаю этот наш огромный московский улей, где все друг друга любят, спорят, мирятся и всегда держатся вместе.

Но моя семья не ограничивается столицей. Половина моего сердца и родни теперь прочно связана с вятской землей — с поселком Лебяжье Кировской области, откуда родом моя жена. Там — свой огромный мир: ее родители, сестра с мужем и детьми, дяди и тети. Две разные географии, два разных уклада, которые слились в одну большую родословную, где одинаково ценят и московский драйв, и тишину лесов и рассветы над Вяткой.

С восемнадцати лет я профессионально работаю с текстом. Сначала была большая журналистика, суровые ТАС-Совские будни, затем — прагматичный и быстрый мир PR. За эти годы через мои руки прошли миллионы слов, написанных для других и о других. Сам я для себя почти не писал — так, иногда набрасывал стихи, шутил в соцсетях, выкладывал фотографии. Как и все, в общем-то. Не было внутренней потребности останавливаться и вглядываться в то, что по-настоящему цепляет за живое.

Пока не наступили эти полгода.

Сначала ушел папа. Человек, который держал над нами небо. А следом за ним, внезапно и несправедливо, не стало моего школьного друга, с которым мы делили детство с первого класса.

И меня накрыло. Так сильно, что уже несколько месяцев не отпускает.

Эта книга началась не из писательских амбиций. Она родилась как попытка протянуть руку жене моего ушедшего друга, чтобы хоть немного поддержать её в этой звенящей пустоте. Я начал записывать воспоминания о нашем детстве, о наших дурацких играх в солдатиков, о рассказах друга о Тюмени, о песнях, которые мы орали во весь голос.

А потом понял, что эти тексты нужны и мне самому. Нам всем.

Записывая эти короткие новеллы, я словно заново проживаю свою жизнь, собираю её по кусочкам — от первомайских

демонстраций моего детства до сегодняшних дней. Мне самому безумно интересно, что получится в итоге. Наверное, это просто попытка сохранить тепло тех, кто ушел, и передать его тем, кто растет в соседней комнате.

Спасибо, что вы со мной на этих страницах. Поехали.

БЮДЖЕТ НА ЧУДО

Детский сад — это ведь первая настоящая служба. Тяжелая, ежедневная. Встал, умылся, пошел. Смена с восьми до пяти. Коллеги солидные: один колготки не может натянуть, второй манной кашей плюется, но в целом — приличные все люди, со своими амбициями, целеполаганием и КРІ.

И забор. Железобетонный, суровый забор прогулочной площадки. Ты стоишь у этой решетки, как граф Монте-Кристо, втиснув щеку в холодные прутья, и смотришь на свободу.

А на свободе — он. Брат.

Семь лет разницы в детстве — это не возраст. Это социальный статус. Он — патриций, я — плебей в сползающих колготках. Брат всегда умел свистеть без пальцев и что-то изобретать из ничего. Однажды он готовил со мной вафли, перевел кучу дефицитных продуктов и всю посуду, но было очень вкусно, в другой раз — собрал мне лабиринт из всей мебели, сейчас бы это назвали фиджитал-пространство и продавали билеты. А у меня это богатство было так, даром, вместе с любимым братом. В этот день он проезжал с друзьями на велосипеде, ветер в лицо, жизнь бьет ключом... И тут замечает мою сиротскую физиономию у решетки. Такое лицо, знаете... Хочется сразу накормить или вызвать мили-

цию. Я стою и жду вечера, когда меня наконец заберут родители и мы дома во что-нибудь сыграем.

И вдруг — о, чудо!

Проходит минут десять. Заходит брат. Берет меня за руку и выписывает с этой каторги досрочно! Воспитательница в недоумении, я в экстазе. Свобода!

Идем. С нами его друг Андрей. У брата в кулаке богатство — ровно на два билета в кинотеатр и на мороженое. Кинотеатр «Ашхабад» в Чертанове — почувствуй себя частью великой советской иллюзии. Снаружи — Чертаново, внутри — Ашхабад. География для тех, кто невыездной, но очень хочет в отпуск.

В общем нас трое, денег на двоих. Андрей плетется рядом. Он не ноет, нет. Он делает то, что сейчас называют «визуализацией», а тогда называлось — отчаянная надежда.

Он идет и всю дорогу транслирует в космос чистую, концентрированную мантру:

— Вот бы найти рубль... Господи, всего один рубль... Я бы с вами пошел... Кабы найти рубль...

И так каждые сто метров. Бубнит и бубнит, как тибетский монах.

И что вы думаете? Космос вздыхает и роняет на асфальт жёлтую мятую купюру! Настоящую. Бумажную. Лежит себе, пылится.

Андрей застывает. Мы застываем. Цифра на купюре молча подтверждает: чудеса бывают, надо только правильно буб-

нить. Хохот стоял такой, что прохожие оборачивались. Андрей хватает эти шальные деньги, и мы, абсолютно счастливые, вваливаемся в «Ашхабад».

А там — полнометражный шедевр про котов, мышей и собак. Дикий экшен! Коты бегут за мышами, собаки за котами, мыши вообще хозяева жизни. И мы сидим втроем в темноте, рты открыты, мороженое течет по пальцам, штаны липкие, на экране все дерутся, и это жутко интересно!

Я вот что скажу. Прошли годы. Кинотеатры теперь другие, попкорн ведрами, звук долбит со всех сторон так, что кресла дрожат... А того вкуса нет. И деньги на поход в кино с сиропом на дороге больше не лежат.

Потому что счастье — оно ведь не в количестве пикселей на экране. Оно в том, что тебе пять лет, у тебя есть старший брат, который может забрать тебя с работы просто так, и его друг, который умеет договариваться с космосом. А впереди целое лето.

К слову, сейчас «Ашхабад» решили превратить в акватермальный спа-курорт.

Чувствуете иронию? Там, где раньше плакали над судьбой Анны Карениной, теперь будут потеть в хаммаме. Там, где мы искали один рубль на мультфильм про собак, теперь будут предлагать обертывание водорослями и душ Шарко.

Это ведь высшая стадия нашего развития: от духовной пищи к гидромассажу. Раньше мы смотрели на экран и мечтали о несбыточном, теперь мы садимся в джакузи и понима-

ем — вот оно, несбыточное, под давлением три атмосферы прямо в поясницу.

Здание «Ашхабада» прошло путь, который не снился ни одному голливудскому герою. Родиться кинотеатром, пытаться стать интеллигентом в очках, а закончить — в тапочках и махровом халате.

В Чертанове теперь будет свой курорт. Не надо лететь в Турцию, не надо искать рубль на билет. Просто заходишь туда, где раньше был звук «Метро-Голдвин-Майер», снимаешь всё лишнее и погружаешься в теплую воду.

И только где-то на дне бассейна, если очень прислушаться, еще слышно, как Андрей бубнит свою мантру про рубль, а кот на экране всё еще пытается догнать мышь. Но мышь теперь в лапах, а кот — в сауне. И всем, в общем-то, хорошо.

Потому что искусство — оноечно, а горячая вода — по расписанию.

Да... Раньше мы в кинотеатре искали истину, теперь в spa ищем хотя бы свободную кабинку. Смысл жизни — он ведь как мыло: только нащупал, а он уже в другом конце ванны. И если истина где-то и осталась, то только на чеке за вход. Зато тепло. А в Чертанове тепло — это уже, считай, Голливуд.

Берегите себя. И тапочки. Тапочки в наше время — это единственное, что связывает человека с реальностью, когда всё остальное ушло под воду.

МОЯ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ ПО ИМЕНИ МАМА

Вот вы спрашиваете: кто такая мама? А я вам отвечу: это самый светлый, добрый, мудрый и любимый человек на свете. Иначе быть не может. Она воспитала и научила нас с братом абсолютно всему, заложила тот внутренний стержень, который позволяет развиваться бесконечно. А главное — привила нам вкус. Сформировала шикарное и неповторимое чувство юмора. Отношение ко всему на свете. И, что самое ценное, — любовь к жизни.

Моя мама — она из интеллигентной московской семьи. Большой учёный. Химик. Заслуженный изобретатель СССР. Человек с золотыми руками и таким огненным сердцем, что, кажется, её любви и заботы хватит на целый мир. И на ещё один, запасной, который может понадобиться, если первый вдруг сломается.

Она умеет абсолютно всё. Её навыки коммуникации безграничны. Мама — человек мира. Масштаб её личности невозможно отразить в этих строках. Нужен отдельный роман, как «Война и мир» Льва Толстого, из 4 томов. А может, и больше. Потому что каждый том — это только про один её день.

Мама абсолютно точно — стержень и основа нашей семьи. Без мамы не было бы ни семьи, ни брата, ни меня, ни этого всепоглощающего счастья. Хотя мама всегда говорила, что так сильно нас любит, что по-другому просто ничего не могло произойти. И я ей верю.

Я очень хорошо помню мамины колыбельные. Этот чудесный голос действовал на меня как наркоз: я отключался мгновенно, не дожидаясь ни третьей строчки, ни логического завершения сюжета. Мамин креатив окружал нас с самого детства. Если брат был зайчиком, то я обязательно котёнком — никаких повторов! Все игры, всё наше внимание, мама контролировала всё. Её склад ума безгранично готов управлять вселенной. Я не знаю ничего в этом мире, чтобы моя мама не смогла постичь, объяснить, решить или, по крайней мере, приблизиться к решению проблемы.

Она успокоит папину ревность, за одну ночь подготовит брату курсовую на военную кафедру, сделает ремонт в моей комнате, а потом всех накормит до отвала. Она несколько раз пройдёт всю школьную программу, а потом всегда даст мудрый совет и поддержит в любую минуту. Даже если ты не прав. Мама — это такой человек. Она любит тебя всегда и ничего не просит взамен. Кроме одного: «Поешь, пожалуйста, сынок. И сходи ко врачу, проверься».

Моя мама — уникальный человек. Она знает все советские художественные фильмы наизусть: от подробностей сценария и фамилий актёров до тонкого психологического

портрета героя и общего смысла картины. Ну любит человек кино. И всё тут.

Конечно, у мамы есть и то, что сильно раздражает. Это гиперопека и забота. То есть, забота — это хорошо. Гиперопека — это когда тебе уже двадцать, а она всё ещё спрашивает, надел ли ты шапку. Когда у мамы родилась первая внучка, я выдохнул с облегчением. Мне было очень сложно в 20 лет быть центром маминой жизни. Понятно, что мы с братом будем её центром всегда, но когда родилась Лиза, мне стало полегче. Центр внимания смещался.

Из маминых фраз тоже можно собрать сборник анекдотов. Это всегда происходит так тонко и нативно, что становится безумно смешно. Словно она не говорит, а шутит.

Моя мама — очень красивая, высокая женщина. Смотря на её фото в молодости, понимаешь, почему папа потерял голову. Ну, а я... я весь в маму.

С детства все говорят, что я мамин сын. И действительно, многие черты лица у нас один в один. А как говорят: если мальчик похож на маму, то будет счастливым. Вот я и счастлив всю жизнь. Иногда даже чрезмерно.

Мама не может не накормить. Когда тебя встречает мама, почти всегда первый вопрос: «Будешь кушать?» И надо сказать, что мама готовит так, как никто в мире! Это вкуснейшие блюда очень большого количества стран мира. Нет продуктов, которые мама не превратит в свой шедевр. А потом еще скажет: «Ну не знаю, что-то не очень получилось». И мы

все хором будем спорить.

При этом мама удивительно скромный человек, который всегда сомневается. И через это сомнение мы постоянно развиваемся. Я очень сильно люблю свою маму, делаю всё, что в моих силах, чтобы она была счастлива, и мы все вместе «На Татаниках плавали». В конце 2024 года я сам стал настоящим родителем и теперь всё больше понимаю свою маму.

Терпение, эрудиция, мудрость, ласка, забота, сострадание — всё это в моей маме. Она не может пожелать зла даже нашим недоброжелателям. Этот человек любит всех и не может отказать никому. Так научила жить и нас с братом. От чего и любим, и страдаем одновременно. Вот такая она, моя мама. Моя персональная Вселенная. И она, знаете, всегда только расширяется. Тут я не про размер, тут только про любовь.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

В детстве волшебство — это не фокусы, товарищи. Это нормальное, естественное состояние окружающей среды.

В метро висят огромные, сияющие люстры? Ну конечно, это люстры для телепортации, просто взрослые об этом забыли. Наступает Новый год? Дед Мороз обязан материализоваться с мешком, это его должностная инструкция. Летом — чердак у бабушки в Каменке, где среди старых сундуков и пыльных банок гарантированно скрывается портал в другое измерение.

А зимой... Зимой дома появлялся он. Волшебный прибор. Детский фильмоскоп для диафильмов.

Это сейчас у вас домашние кинотеатры, экраны во всю стену, три-дэ и плоские проекторы, которые не греются и ничем не пахнут. Скучные, стерильные технологии. В нашем детстве фильмоскоп — это был тяжелый металлический танк.

Брат закрывал дверь в комнату, выключал свет, и мы погружались в великое таинство советского слайд-шоу. Режиссером, звукооператором и генеральным продюсером этого домашнего МХАТа выступал мой старший брат Лёша.

Где хранились наши сокровища? В большой, плотной белой коробке из-под маминых зимних сапог. Самая надежная

сейфовая система того времени. Там рядами стояли они — маленькие разноцветные пластмассовые баночки. Капсулы детского счастья. В каждой баночке — скрученная в тугой рулончик сказка.

Там были все шедевры Союзмультфильма, от которых невозможно было оторвать глаз. И даже полнометражный черно-белый диафильм «Пятнадцатилетний капитан», экранизация романа Жюль Верн. Понимаете масштаб? Вместо обычного, скучного чтения перед сном Лёша с помощью этого проектора пересказывал мне великие приключенческие книги, буквально оживляя их в нашей детской фантазии на обычных обоях.

Подготовка к сеансу — это был отдельный инженерный ритуал. Брат вставлял фильмоскоп в розетку, а под переднюю часть подкладывал свои толстые школьные учебники. Надо же было направить луч света на свободный от мебели участок стены! Так что учебники по алгебре и физике наконец-то приносили реальную, ощутимую пользу обществу.

Мы затихали. Споров о том, какую баночку открыть первой, у нас никогда не было. Выбирали пленку с замирием сердца.

Лампочка внутри проектора горела жарко, постепенно нагревая металлический корпус. И по комнате начинал разливаться этот неповторимый, уютный дачный запах — запах нагретого металла, теплой пленки и чуть-чуть пыли. Запах оживающего чуда.

Лёша крутил колесико, настраивал резкость, и на стене возникал первый кадр. Брат начинал читать титры. Он читал по ролям, меняя тембр, театрально басил за пиратов, пищал за зайцев и делал такие драматические паузы, что Станиславский в гробу перевернулся бы от зависти.

А когда пленка со щелчком заканчивалась, сказка не уходила. Брат оставлял лампу включенной. И на стене начинался театр теней. На светящемся квадрате стены мгновенно оживали упрямые козочки, быстрые птицы, прыгающие зайцы и верные собаки. Они как будто ласково провожали меня в мир сновидений и потом всю ночь трепетно охраняли мой детский сон от любых шорохов.

Прошли годы. У нас в карманах теперь лежат телефоны, которые могут показать любую точку мира в разрешении 4К. Но того тепла, того запаха горячего металла и того родного, хрипловатого голоса брата в темноте — их не купишь ни за какие миллионы. Потому что настоящее волшебство — оно ведь не в пикселях. Оно в луче света, который светит на старые обои.

ПЕРВОМАЙСКИЙ «ДЕБЮТ»

Майское утро в детстве всегда пахло как-то по-особенному — свежестью, колбасой из ирисок и пирогами. Помню как-то, сижу с мамой играю, в углу нас развлекает цветной «Рубин».

По телевизору — Красная площадь. Море флагов, транспаранты, улыбки, оркестр играет марш. Я смотрю на этот бесконечный поток людей и вдруг... замираю.

— Мама, смотри! Папа!

Среди тысяч людей в объектив камеры попадает наш папа. Он идет бодро, весело, в светлом плаще и (всегда мне казалось нелепой) вязанной кепке, а рядом с ним с красными флажками, красными цветами и шарами, бежит Лёшка. Все улыбаются.

Я тогда долго гордился: надо же, наш Лёшка с самого детства на центральном телевидении! Вот это был настоящий праздник.

ПАРОЛЬ НА ВХОД В СЧАСТЬЕ

Брат — это такой человек, который был у тебя всегда. Я, собственно, себя без него и не помню. Мама рассказывала — а я, кажется, даже помню этот звук — как я, будучи в коляске, орал «Аааа!», когда он возвращался из начальной школы. Это был мой пароль на вход в счастье.

Друзья его — это была каста. Священные люди. Могли повезти мою коляску только с его высочайшего разрешения. Ронял он меня, конечно, с завидной регулярностью и с самых разных высот — видимо, проверял на прочность конструкцию. Я выжил, закалился, и теперь мне никакие кризисы не страшны.

Кормил он меня тоже творчески. Рисовал кашей на моем лице узоры, как будто я был холстом в Эрмитаже, а не младшим братом. Умывал утром так, что я потом полчаса сушился, как сбитый летчик. Но как мы играли! Это было магически. Волшебно. Смешно. Каждый раз что-то новое.

Семь лет разницы — это же идеальный возраст! Ты еще не конкурент, ты — младший лейтенант при генерале. Он везде таскал меня за собой, как хвост, как знамя. Учил смотреть на мир широко открытыми глазами и полной душой, пока я в ответ учил его ответственности за детей. И просто обожал его так, что мир вокруг казался декорацией к нашему при-

ключению.

Мы никогда не ссорились. Серьезно. Ну, может, он мне случайно зубочистку в щеку воткнет — чисто случайно, от избытка чувств, — а я его в отместку на балконе запру перед важным экзаменом. Подумаешь! Мелочи жизни. Это не ссоры, это так, обмен энергией.

Он меня и из милиции вызволял, и в холод домой доставлял, и обучал, и одевал, а я его машины обкатывал и помогал доедать черную икру, чтобы не испортилась. Это же классика! Гармония, основанная на взаимной спасательной операции длиной в жизнь.

Все это, конечно, привили мудрые родители, но нам как будто и самим всегда было интересно вместе.

Сегодня я ему — три фото детей. Он мне — пару видео. Мы обмениваемся информацией, как два старых разведчика, которые все еще в игре. Скоро увидимся. На даче. Будем готовить плов — самый вкусный плов на свете, потому что другой у нас просто не получится. Будем вместе, как тогда, когда наши кровати стояли рядом, и мы просыпались, протягивали друг другу руки и с необычайно умным видом жимали их, еще толком не открыв глаза.

Сейчас мы накапливаем опыт, чтобы в нужный момент поделиться им друг с другом. Мы пишем сообщения, звоним, носим друг друга в карманах как самые важные контакты. Мы нуждаемся друг в друге для подзарядки. Как два аккумулятора, которые подсаживаются, если их надолго разве-

сти по разным углам.

Слушайте, а ведь я его неплохо воспитал, да? Посмотрите на его детей — они же в восторге от своего папы! Конечно, в восторге. Кто бы сомневался? Я же был отличным тренером.

Я понял это сразу, как только нас познакомили. С ним всегда так интересно, что больше в мире ничего не надо. Только чтобы он был где-то рядом. И чтобы плов был готов вовремя.

БОРОВИЦКИЙ МАНЕВР

Детство — это такое состояние, когда ты весел просто потому, что рядом мама. Беспричинно. Энергии столько, что, если её направить в мирное русло, можно было бы за месяц построить новый БАМ. Но зачем нам БАМ? Он уже есть. Нам нужен План. А планы в пять лет — они все тянут минимум на Нобелевскую премию.

Конец восьмидесятых. Переход с «Библиотеки имени Ленина» на «Боровицкую». Этот длинный эскалатор. Он не едет, он дрейфует. Как улитка по склону Фудзи. За время подъема можно успеть выучить не только алфавит, но и краткое содержание программы «Время». Вы могли бы успеть вырастить бороду, но в пять лет у вас другие приоритеты.

Это сейчас переходы в метро — это выставка металлоконструкций. Загородки, перегородки, всё по линеечке. Эстетично? Да. Скучно? О боже, смертельно! А тогда? Тогда была Свобода! Полное отсутствие архитектурных преград для пытливого детского ума. Вы могли идти к поезду по любой траектории, хоть зигзагами, хоть лунной походкой. И что поразительно — все ходили правильно и при этом умудрялись улыбаться тебе в ответ. Мир был поразительно добрым и щедрым.

И вот мне приходит в голову Идея. Спонтанная, как чих. Я

решил разыграть маму. План созрел мгновенно, стоило мне оторваться от нее на три ступеньки эскалатора. Знаете, это специфическое детское желание: спрятаться так качественно, чтобы она ужасно испугалась, начала рвать на себе волосы, а потом нашла меня и рыдала от восторга. Это же чистый эгоизм, густо замешанный на большой любви. Штирлиц в сандалиях, господи...

Маршрут я знал наизусть. Мама, как человек логичный и уважающий время, всегда шла по левой лестнице — там самый короткий путь к первому вагону. Я же, как великий стратег и Наполеон чертановского масштаба, рванул вправо.

И вот я сижу за кирпичной стеной на «Боровицкой». Сижу. Сердце колотится в коленках. Жду триумфального переполоха. Минута проходит — тишина. Две минуты — гробовая тишина. Мама точно уже должна была спуститься. Выглядываю — мамы нет. Бегу по нашему маршруту — пусто. Не нигде нет.

И тут меня капитально накрыло. Тревога, испуг и полное понимание того, что я — крошечный биологический объект в огромном, холодном подземелье. В общем, я включил сирену. Заревел с такой мощностью, что, кажется, машинисты на других ветках стали экстренно проверять тормоза.

Тут же возникла она. Волшебница. Хорошая тетя в красивой форме. Знаете, этот тип женщин в метро, которые могут одним взглядом остановить эскалатор и вернуть веру в человечество.

— Что случилось? — спрашивает.

Я собрался, сквозь икоту и пузыри выдал свой «гениальный» план. Она не стала меня ругать. Она просто спросила:

— Куда вы едете?

— На «Пражскую», — ответил я гордо. — Она новая, красивая и очень удобная.

Я тогда рекламировал «Пражскую» так, будто мне кто-то доплачивал.

Волшебница взяла меня за руку, спустила на платформу и отвела к первому вагону. И — о, небо! Какое это было счастье! Там, на скамейке, сидела мама. Спокойная, невозмутимая и, как всегда, самая красивая в мире. Она улыбнулась, поблагодарила волшебницу и моментально меня успокоила. У неё была встроенная кнопка «спокойствие», я уверен.

Она не кричала. Она просто сказала:

— Витюш, так делать не нужно. Но если уж сделал и потерялся — бояться не надо. Надо просто успокоиться и подумать.

И вы знаете, я запомнил это на всю жизнь. Сейчас, когда на дворе 2026-й, и мозг испытывает пиковые нагрузки, когда вокруг всё искрит, а горизонт планирования сузился до пяти минут, я всегда слышу ее голос. Успокоиться и подумать.

Больше я не терялся. Я слушал маму, а потом взял и вырос до двух метров. Теперь мне не нужно никого искать — я сам всех вижу. Я стою в полный рост, оглядываюсь по сторонам и понимаю: поезд придет по расписанию, мама была права,

а первый вагон — это всегда только начало пути.

Главное — не прятаться за кирпичной стеной. А если уж дурак залез — сиди и жди волшебницу. И не бойся Минотавра. Мы же не в Афинах, где метро — это просто способ передвижения. Мы в Москве, где оно самое красивое в мире. Тут интересно потеряться и снова найти друг друга.

КЛУБНИКА

Вечный вопрос: почему ты всегда виноват, когда тебе не объяснили, как надо или что точно нельзя? И что это вообще такое — это «правильное надо»? Кто его сформулировал? Где протокол? Проявление инициативы наказуемо, приходится давить харизмой.

Мне с детства показывали искусство. У родителей в спальне висела картина — подарок на свадьбу. Там двое: мальчик и девочка. Обнимаются. И мальчик дарит девочке цветок. Красиво? Безумно. Трогательно? До слез. Пять лет я смотрел на это и впитывал: хочешь сделать человеку приятно — дари цветы. Это же база. Это фундамент культурного слоя.

А тут лето. Дача. И клубника.

Послушайте, зачем людям столько клубники? Я за всю зиму столько букв в букваре не видел, сколько они переварили в тазах за две недели. Весь июнь в доме запах жженого сахара, красные пенки - заветное лакомство.

И вот я — светлая, юная душа в коротких штанишках. Я решаю совершить Поступок. Не просто так сидеть, а приобщиться к прекрасному. Я выхожу в огород. И вижу: цветёт клубника. Красиво же! Белые лепестки, желтенькая серединка — чистый восторг.

Я собираю букет. Огромный. Пышный. Букет из самых

светлых побуждений. У меня нет идеи лишить семью уро- жая, у меня есть идея украсить бабушкину жизнь.

Иду. Гордо. Улыбка шире панамки. Вхожу в комнату и протягиваю это белое облако бабушке.

Я не забуду эти слезы. Это были не слезы, это был вы- ход Волги из берегов. Наводнение в отдельно взятой дерев- не. А за наводнением последовала лекция по биологии. Рез- кая, убедительная, про завязывание плодов, про цветоножки и про то, что я сейчас в кулаке держу примерно три ведра будущего варенья.

Ну кто мог подумать? Кто мог предположить, что вот этот симпатичный цветочек и та большая красная ягода в тазу — это одно и то же лицо с разницей в три недели?

Вы же объясните сначала! Предупредите! Повесьте знак: «Цветы не рвать, это будущая еда». А то ведь слезами можно и травму нанести неокрепшей психике. Я же из любви рвал, а не из вредительства. Вы же мне рассказали сразу про ба- бочку и гусеницу, я понял, красиво. А тут...

К счастью, я был самый младший внук. Статус неприкос- новенности. Подотчетных документов за съеденную клубни- ку не требовали, ешь сколько влезет. Травмы я избежал — обнял бабушку крепко-крепко.

Но с тех пор у меня с клубникой свои отношения. Варен- ье, джемы, пенки — это всё прекрасно, это труд. Но я люб- лю её свежую. С грядки или витрины. Прямо так. Чтобы чув- ствовать вкус того самого белого цветка, который когда-то

чуть не стал причиной международного скандала в масштабах одной отдельно взятой семьи.

Берегите цветы. Из них иногда вырастает что-то вкусное. Если, конечно, вовремя не подарить их бабушке.

А зачем художник нарисовал мальчика с букетом из цветов клубники останется для меня красивой провокацией. Может ему тоже не сказали...

САКВОЯЖ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

9 Мая — священный праздник. Ненависть к фашизму нам прививали с молоком матери, между ложкой каши и бабушкиными рассказами про финна в Каменке. Дед, братья бабушки — целая сага, без спецэффектов.

В детстве у меня был синий автомат со съёмным рожком для патронов. Я носился с ним по квартире как угорелый, истреблял полчища фашистов, освобождал диван от оккупантов и восстанавливал мировой порядок на территории кухни. Для антуража натягивал фуражку с кокардой — подарок дяди Коли, папиного старшего брата. Она, кстати, была великовата, но это только добавляло пафоса.

И, конечно, саквояж. Большой, чёрный, кожаный — папин. В него входило всё: от таблеток от головы до важных документов. И мой автомат туда прекрасно помещался. А как же. Я же мир спасаю. И не могу спасти мир с пустыми руками. Саквояж — это был мой главный специнвентарь. Это как сейчас ноутбук у менеджера — только пафоснее и с запахом кожи.

Игра удалась. Я довольный уснул без задних ног. Утром —

новый день: совещания в детском саду, выполнение КРІ на горшке и отчетность по дневному сну. У нас в саду всё строго — мониторим показатели: сколько минут поспал, сколько раз поиграл в машинки, сколько раз поел до состояния «не ем, пока не подпишут акт».

Прошло пару дней — папа вернулся из командировки. Я повис у него на шее и сразу узнаю про подарки. Папа раздаёт сувениры маме и старшему брату. А мне? Для меня у папы был сюрприз. Он вынул из своего саквояжа... мой синий автомат. Я чуть не потерял дар речи.

— А вот кто мне «подложил» оружие в багаж? — улыбнулся папа. — Спросили, мол, чей это автомат? Я говорю: «Мой», — и подумал, что сейчас начнётся международный скандал.

Оказалось, рейс задержали на час. Неудобно, конечно. Пока все поняли, что это игрушка, а папа — уважаемый советский сотрудник, а не какой-то там англичанин. Дальше оставалось решить вопрос с моим оружием: вернут или отнесут своим детям, ведь такой автомат нужен обязательно всем.

Мне везло, папа умел уговаривать даже холодильник стоять тихо. Он тактично, с улыбкой, как будто решает судьбу мира, добился возврата. Думаю, было это как-то так:

— Верните, пожалуйста, моему ребёнку автомат. Это вопрос психического здоровья нации. Ребёнок, понимаете, ждёт.

Я был счастлив. Папа — человек, который возвращает игрушки законным владельцам и раздаёт шоколадки в придачу. Я получил и автомат, и килограмм сладкой радости. Великая дипломатия: вернуть игрушку и счастье.

Вот так, товарищи. Если хочешь, чтобы всё было по-взрослому, — лучше заведи свой саквояж для автомата. А если в нём есть место для конфет — значит, ты уже на пути к настоящему дипломатическому успеху. Потому что мир, он, конечно, спасается. Но дети — они сначала хотят автомат. А потом — шоколад. И в этом вся, знаете ли, правда.

ЖМУРКИ

Есть дома, которые просто стоят, а есть дома, которые активно участвуют в вашей судьбе.

Бабушка жила на Соколе. Сталинка у проходной МАИ, сразу за Гидропроектом. Если бы не это здание, меня бы, скорее всего, вообще не было. Этот дом — полноправный соавтор моей семьи.

Дело было так: папа тогда писал диссертацию. Математик. Человек с железной логикой и нежной душой. Он проезжал мимо этого дома и вдруг подумал: «В этом доме живет моя судьба». Вот так просто, между интегралом и булочной. На следующий день друзья их познакомили. Папа проводил маму до подъезда, посмотрел вверх и понял: теорема верна. Полтора года он доказывал её до конца, пока не довел до загса. Так что историю этого дома я знаю раньше, чем таблицу умножения.

Поездка к бабушке всегда была экспедицией в иные миры. В детстве я был абсолютно уверен, что метро — это система телепортации между королевствами. Заходишь на Каховке, моргаешь — и ты уже где-то в другом измерении. Самым сложным для меня были люстры. Я смотрел на эти огромные сталинские светильники на станциях и мучился: как мы в них пролетаем? Как туда помещается папа? Он же застрянет

в люстре! Я давал себе честное слово: в этот раз не спать, не отвлекаться, зафиксировать момент входа в плафон... И каждый раз упускал. Моргаешь — и ты уже на улице. Магия.

А потом — троллейбус. «Рогатый». В нем был свой, совершенно особенный запах — запах нагретой резины. В чертановских автобусах пахло суетой и дизелем, а тут — аристократизм, Сокол, высшая лига.

Бабушкин подъезд встречал нас как старый министр. Тяжелые деревянные двери, огромный холл, лестница, по которой можно было подниматься в вечность, и лифтовые кабинки с круглыми подсвеченными кнопками. И плитка... Мелкая плитка на полу, которую я помню так отчетливо, будто видел её сегодня утром, хотя прошло уже очень много лет.

Звонок. Радость. Поцелуи. Быстрое застолье для нас, детей... И — Жмурки!

Пока взрослые занимались своими серьезными делами — ели, пели песни и решали судьбы мира — мы вываливались в коридор. Это был не коридор, это было футбольное поле. Метров десять в длину и три в ширину. Весь этаж — наше пространство.

Мы играли вчетвером: я, брат, двоюродная сестра и моя крестная, она же мамина двоюродная сестра, наша тетя. У брата была своя тактика — длинные руки. Он загребал ими пространство, как экскаватор. У меня была своя — маленький размер и скорость. Я просачивался между рук и ног, как ртуть.

Боже, сколько там было тепла! Если бы можно было собрать ту энергию, которую мы вырабатывали во время этих жмурок, можно было бы бесперебойно снабжать электричеством весь Крым, отопить Норильск в самый лютый февраль и еще осталось бы, чтобы развеселить бассет-хаунда - самую грустную породу собак на свете. Мы носились по этой лестничной клетке, хохотали до икоты, натыкались на углы и были абсолютно, запредельно счастливы.

А потом — темный московский вечер. Нас, сытых и довольных, выводили на улицу. Город заливали желтые огни. Мы отходили от дома, задирали головы и считали: седьмой этаж. Окно кухни.

И там всегда была она. Бабушка. Маленький силуэт в квадрате света. Она махала нам своей ласковой рукой, пока мы не скрывались за поворотом. Мы медленно гуляли до метро «Сокол», и там я уже окончательно сдавался.

Папа подхватывал меня на руки. Я утыкался носом в его плечо и засыпал. И снова — опять! — я забывал посмотреть, как мы входим в люстру... Но это уже было неважно. Потому что я точно знал: завтра я проснусь дома, и всё это было по-настоящему. И дом на Соколе, и бабушка в окне, и жмурки, в которые жизнь продолжает играть с нами до сих пор.

БАБОЧКА, АНТЕННА И Р-Р-Р-РАЦИЯ

Самое главное в детстве летом? Правильно — велосипед. Это не просто средство передвижения — это удостоверение личности, паспорт, влияние на соседей и ключ к дворовой иерархии.

Я тогда был нереально гордый. У меня в 5 лет уже был не просто «Дружок» с дубовыми колёсами, у меня была «Бабочка». Настоящая. Зеленая, с коричневыми седлом и ручками — всё, как положено. Шины надо было накачать, как у брата — на складном «Аисте», и как у папы — на «Украине».

А ещё был тюнинг. У нас был неограниченный доступ к цветной проволоке — ресурс бесценный. Мы этими проволоками творили. Обматывали спицы, делали узоры, на руль наматывали бахрому, косички, индейские перья. И — главное — антенны. Вот это была тема. Длинные, гордо торчащие антенны. Антенна — это как флаг, как штандарт. С антеннами к тебе подходили новые друзья сами, без папы и мамы. Ты — модный дошкольник. Ты — влияние.

Дача. Вечер. Солнце нам мягко намекает: «Пора крутить педали». Мы с соседом гордо выезжаем на вечерний проме-

над, показать всем свои новые антенны, которые крутили все утро.

Через два участка к нам подбегает ещё один друг:

— Р-р-р-ребята! Можно с вами?

— Конечно, погнали!

— У меня тоже р-р-р-рация.

— А велосипед как называется?

— Др-р-р-руг. Только мне нельзя дальше пр-р-р-руда.

Мама не р-р-р-разр-р-р-решает.

Ну да, у каждого свои границы. У кого-то «до ворот», у кого-то «до конца улицы», у кого-то «до ограды».

И вот мы в пути, как три мушкетёра — только без шпаг, но с педалями. Пылим по песчаным дорожкам СНТ, петляем, делаем круги, чтобы было интереснее, — потому что чем больше поворотов, тем ближе уважение и почёт. У водонапорной башни — пауза. Мы отвлекаем младшего мушкетёра чем-то важным: птичьим криком, собакой, заклинанием. А сами мгновенно уезжаем за первый поворот в кусты — проверить, как он себя поведёт в экстремальных условиях. Это научный эксперимент, кстати. Социальная психология дачного типа.

Сначала мы смотрим, как он раскладывает свои эмоции: секунда, две, три. А потом — рев, который обычно издаёт мушкетёр, теряя Констанцию:

— Р-р-р-ребята, вы где?! — чуть не плачет.

И тут у меня сердце не выдержало. Я выпрыгиваю из ку-

стов, подхожу, беру его за плечо и говорю ровным тоном, как доктор:

— Всё в порядке. Мы здесь, мы недалеко. Ты в безопасности, у нас есть антенны и план эвакуации.

Мама этому всегда учила — сначала успокоиться и подумать. Паника — плохой советчик.

Мы весело доехали до нашей улицы и дальше только увеличивали маршруты, пока не добрались до Топического озера.

Но это совсем др-р-р-ругая истор-р-р-рия.

Вот так: на даче у нас были велосипед, проволока, антенны и мамы — и этого хватало, чтобы мир казался большим, а мы — чуть поважнее, чем на самом деле.

ПРАКТИКА СПУСКА НА МЕДВЕЖКЕ

Пять лет. Февраль. У мамы день рождения. Что это значит? Это значит — подарки, застолье, ближайшие родственники, бесконечные разговоры взрослых, которые изредка прерываются на тосты. Папа со своим старшим братом наперегонки сыпят поздравлениями, тостами и анекдотами. После горячего, как водится, идут гулять. На свежий воздух, чтобы переварить и переосмыслить выпитое.

У нас, детей, на всю банду — одни санки.

Нас с племянницей Сашкой укутывают в такие шубы, валенки и огромные шапки-шлемы, что мы больше похожи на два круглых тюленя. Мамы завязали нам шарфы так плотно, что наружу торчали только глаза. Именинница выдает папе:

— Миша, я тебя прошу, аккуратнее... Вы уже столько выпили...

Папа улыбается, подмигивает:

— С горки прокатимся — и будем к чаю. Желательно — с коньячком.

И мы идем на Медвежку. Медвежка — это такая большая, природная горка в бывшем русле реки, которую давно убрали под землю. На улице морозно, воздух звенит.

Нас усадили вдвоем в одни санки. Папа велел мне держать Сашку крепко. И мы быстро покатались. Братья шли рядом, общались о своем, что-то живо жестикулировали, смеялись. Я пытался сквозь Сашкину шапку-шлем разглядеть, сколько же нам осталось до горки.

Приехали. Папа посмотрел на нас, двух тюленей в одних санках, и быстро сориентировался, как хороший тактик:

— Так, Витюньчик будет управлять, а Сашенька — наслаждаться поездкой.

И он предусмотрительно пересадил нас. Сашка теперь облокотилась на спинку санок, а я — на Сашеньку. Мне в руки папа вручил веревку. Как будто его внутренний компьютер в голове выдал возможные риски, но тосты мешали ему ясно предвидеть эти ходы до конца.

Я посмотрел вниз. Вся трасса спуска усеяна вековыми деревьями. Широченные кроны, стволы под метр в диаметре. Но я полностью доверял папе. С нетерпением ожидал восторга от скоростного спуска между этими природными колоннами.

Братья, расслабившись, не подумали о главном: кто нас будет ловить внизу, чтобы мы не столкнулись с многочисленными детьми, которые с противоположного склона тоже неслись на нас, как камикадзе.

Папа хором с дядей Колей крикнули что-то вроде «Поехали!» и со всей силы разогнали наш зимний снаряд. Мы помчались вниз с бешеной скоростью. Это был чистый восторг!

Ветер в глаза, снежная пыль, скорость!

Ровно две трети спуска всё шло по плану. Как вдруг финальная часть горки под наклоном градусов семьдесят, и прямо на нашем пути возникает огромный дуб. Почетное дерево. Обхватить его вчетвером мы бы не смогли.

На этой космической скорости наши санки влетают в эту природную стену. Мощно. Я со всей дури впечатываюсь в это дерево, а сзади меня дожимает Сашка. Серьёзная авария. Я в этот момент узнаю, что такое искры из глаз — это не фигура речи, товарищи, это чистая физика.

Мы валяемся под дубом. Сашка испуганно молчит, я реву во весь голос. Два неюных брата за секунду прибыли на место ДТП и уже осматривают нас.

Сашку спасла мягкая подушка из меня и моей огромной шубы. А я отделался страхом и парой синяков. Дуб — был цел.

Мы сразу же завершили прогулку.

Дома мамы, узнав подробности, были в шоке несколько минут. Затем поругали братьев, но очень деликатно, и пошли пить чай.

Я потом еще много раз катался на Медвежке. И даже с большей скоростью. Но тот дуб запомнил хорошо. До сих пор, когда гуляю мимо, смотрю на него с уважением. Это был мой первый серьезный экзамен на выживание.

Сейчас, кстати, вместо той веселой горки, в рамках программы благоустройства города, построили миллион лест-

ниц для пешеходов. На санках там не покатаешься. А жаль. Иногда очень хочется вновь прокатиться на полной скорости. Главное деревья не повредить.

ГЕНЫ КАМЕНКИ ИЛИ ВЕРСАЛЬ В КОНЮШНЕ

Слушайте, генетика — это не просто наука, это какой-то затянувшийся семейный анекдот.

Мой прапрадедушка по маминой линии был купцом первой гильдии. Владел лесами в Московской области. Серьезный был человек, с коммерческой хваткой. Как уж они там договорились с большевиками в семнадцатом году — история молчит в тряпочку. Но факт: все остались живы. Правда, без лесных активов. Леса ушли народу, прапрадедушке оставили воспоминания.

Во время Великой Отечественной купеческий дом за городом сожгла наша армия, освобождая деревню от фашистской нечисти. Фашисты, понимаете, ребята практичные, превратили самый крепкий дом деревни в неприступную крепость. Приковали пулеметчиков цепями к гнездам — для надежности и мотивации. Пришлось сжечь. Теперь все памятники героям войны вокруг смотрят на наш участок.

Дом сгорел, на его месте построили беседку. А жили мы все... в конюшне. Бывшей конюшне купца первой гильдии. В детстве она казалась мне Версалем. Входная группа с чердаком. Своя печь. Простор и количество комнат детский мозг

сосчитать не мог. Лошади прапрадеда, судя по всему, жили лучше, чем средний советский инженер.

И вот каждое лето все потомки нашего купца выдвигались на природу. Рогачевское шоссе, на север от Москвы, деревня Каменка. Шумный город оставался где-то сзади, а тут начинался улей. У прадеда было десять детей! Десять! Включая мою бабушку. Вы представляете себе эту толпу? Это не семья, это демонстрация трудящихся.

Большое, веселое общежитие, которое в пять лет воспринимается как самый уютный центр вселенной. У каждой семьи — своя комната, а у некоторых — уже и своя пристройка. Дом рос во все стороны, как дрожжевое тесто. В обед все собирались на улице за гигантским столом в беседке. А вечером — самовар, сушки, споры, смех и настольные игры до хрипоты.

Каждое лето я погружался в этот бульон. И вот однажды старшие братья смотрят на меня и сестру как на неофитов и говорят:

— Пошли. Покажем наши труды. Шалаш за речкой и настоящий Плот.

Для меня это был не поход. Это была полярная экспедиция. Я вцепился в руку старшего брата. Мы шли холмами, через речку, сквозь лес, а потом вышли в поле. Огромное пшеничное поле. Пшеница стеной! Тропинка кончилась, я вижу только спину брата и уши сестры. Идти тяжело, жарко, но впереди — Цель.

И вот мы вышли к реке. Лежит Корабль. То есть Плот. Настоящий, из бревен, связанный проволокой. Правда, физика — штука циничная. Мои старшие очень любили вкусно поесть, поэтому под их весом плот сразу уходил на глубину и становился подводной лодкой. И только я, в силу нежного возраста и умеренного аппетита, мог гордо стоять на нем с абсолютно сухими ногами. Я был адмиралом этого деревянного корыта, а они — моей буксировочной командой.

Потом мы вернулись ближе к дому, все к той же реке. И там ребята уже начали строить шалаш. Он был почти готов. Запах свежего сена, хвои... Мы с сестрой рухнули туда и уснули моментально, без задних ног. А старшие братья, как заправские строители, тихонько шуршали сверху, укладывая над нами крышу из травы и еловых лап. Господи, какое это было счастье — засыпать под шорох ветвей.

Этот поход меня сломал. В хорошем смысле. Я заболел строительством шалашей.

Я стал главным девелопером нашего двора. Работал без выходных, как генподрядчик. Строил двухэтажные шалаша. Строил шалаша, пристроенные к соседскому забору — соседи, конечно, плакали, но терпели. Венец моей архитектурной мысли — полноценная тусовочная зона на дереве. С гидроизоляцией из старого шифера, чтобы можно было переждать проливной дождь и авторитетно обсуждать важные дела.

И вот теперь я думаю: а ведь это всё гены. Ну конечно! Купеческий дом, перестроенная конюшня, вечные пристрой-

ки... Да у меня дедушка с бабушкой где познакомились?

В Парке Горького. На Дне строителя!

Понимаете? Судьба просто не оставила мне шансов стать скрипачом. Мы обречены строить. Даже если начинаем с конюшни, закончить мы просто обязаны двухэтажным шалашом на березе. Потому что строить — это у нас семейное.

ВОТ ВАМ ИНТЕГРАЛ!

Второй класс — это возраст нежного, беззаботного непонимания. Мозг уже готов к великим свершениям, но категорически отказывается складывать яблоки в одной кастрюле.

Мама, устав бороться с моим домашним заданием, решила применить тяжелую артиллерию. Она решила вовлечь в процесс отца.

— Миша, — сказала она с глубоким вздохом, — помоги ребенку с математикой. Ты в конце концов кандидат наук или где?

Отец оторвался от шахматной доски, посмотрел на меня как на подающего надежды гроссмейстера и взял мою тетрадку.

Я принес ему классическую советскую трагедию. Про яблоки. Которые куда-то везли, по дороге теряли, а часть вообще сгнила в недрах овощебазы.

Отец не моргнул и глазом. Считать яблоки поштучно для кандидата наук — это мелкое бытовое унижение. Он взял ручку и плавным, красивым движением нарисовал на полях длинную, изящную змейку.

Интеграл.

Он выглядел прекрасно. Как скрипичный ключ. Рядом отец молча расставил пределы интегрирования, вывел фор-

мулу и протянул этот учебный снаряд мне.

— Как? — удивился я. — Так просто? И это правильный ответ?

— Да, — утвердительно кивнул папа. — Это решение через интеграл. Ты просто прочитай параграф в учебнике и распиши подробно, если учительница потребует.

Я был потрясен. Какое волшебное слово! И-н-т-е-г-р-а-л.

За одно это слово мне должны были выдать аттестат зрелости прямо во втором классе. Зачем мне что-то читать? Зачем расписывать? У меня на руках готовое, лицензированное решение от кандидата наук! Научная мысль в чистом виде. К тому же — давайте будем реалистами — оловянные солдатики на ковре сами в себя не поиграют. Время не ждет.

На следующий день я шел в школу с гордо поднятой головой. Я нес в портфеле не тетрадку, я нес туда заявку на Нобелевскую премию. Ну, или хотя бы на твердую пятерку в четверти.

Учительница, открыв мою домашнюю работу, на секунду замерла. Лицо ее приняло сложное выражение. Она медленно подняла на меня глаза и сказала:

— Так... Интересно. Витя, иди-ка к доске. Объясни классу свое гениальное решение.

Я вышел. Смело, как Гагарин перед стартом. Взял мел. Размашисто нарисовал папину змейку с пределами, повернулся к притихшему классу, победоносно обвел всех взглядом и авторитетно заявил:

— Вот вам интеграл!

Класс лег.

Хохот стоял такой, что задрожали стекла. Мои одноклассники, которые еще вчера считали на палочках, катались под партами от этого нового, взрослого и абсолютно неприличного слова.

Двойку мне поставили такую жирную, что она едва поместилась в дневнике.

Это был великий урок на всю жизнь, товарищи. В своих задачах ты всегда должен разбираться сам. А если уж решил попросить помощи у высшего разума — изволь досконально выучить матчасть, чтобы не стоять у доски с глупым видом и куском мела.

Дома я, хлюпая носом, честно всё рассказал родителям.

Мама тут же прижала меня к себе, грозно посмотрела на кресло и проворчала:

— Эх, кандидат фигов... Чему ты ребенка учишь?

Папа хохотал во весь голос. Громко, счастливо, по-научному. Ему чертовски понравилась моя презентация.

Двойку я, конечно, исправил на следующий же день — обычным, скучным, способом с яблоками. Но математику с тех пор полюбил по-настоящему. За точность, за логику и за характер.

А интегралом я потом всё-таки восхитил людей. Но уже в университете. В моем дипломе по вышке стоит твердая, заслуженная пятерка.

Потому что базу надо знать. А папа... Папа просто заглянул немного вперед, как сильный шахматист. Лет на десять.

КУТЮРЬЕ ИЗ ТЕЛЕФОННОГО КАБЕЛЯ

У нас не было телефонов. И интернета у нас не было. Вы представляете? Человек родился, рос, даже начинал сообщать, и всё это — без единого лайка. Ужас. Дикость.

Поэтому каждый день в Каменке была новая заруба. Рогатки, самодельные ружья, качели до неба, казаки-разбойники, «море волнуется раз»... Форт Боярд! Французы на своем телевидении еще только сценарий писали, а мы в Каменке уже всюду проходили испытания на выносливость в зарослях крапивы.

А вечерний поход за парным молоком? Это же не просто прогулка, это был тактический квест повышенной сложности. Как обойти ферму так, чтобы тебя не сожрали? Слева — собаки, справа — утки, а в лоб идут гуси. Гусь — это вообще птица без чувства юмора и юридических ограничений. И вот ты прорываешься с трёхлитровой банкой, как партизан, ради теплого молока. Романтика!

Но главный прорыв в нашей цивилизации случился, когда старшие братья начали плести скелетиков из проволоки.

Мой брат довел это дело до такого профессионализма, что оно граничило с высоким искусством. Где он брал сырье? О,

это детективная история. Он нашел у папы в запасах кусок многожильного телефонного кабеля. А внутри него — вы не поверите! — залежи разноцветной проволоки. Красная, синяя, желтая, белая... Это был наш Клондайк.

И всё. Мы сели плести. Мы плели день и ночь, забывая про обед. Мой старший брат, как идейный вдохновитель и главный кутюрье проволочного мира, раз в неделю спускал нам новые тренды. Сверху. Как из Парижа.

— Так, пацаны, — говорил он авторитетно. — Сегодня покажу двойную обмотку. И обязательно оружие из редкой черной проволоки. Кто сделает комбинирование цветов в одежде — тот молодец.

Мы ловили каждое его слово. Техника макраме, изготовление отдельных мечей из сплюснутых гвоздей, щиты из пивных пробок... Наш гуру знал толк в воспитании молодежи. Мы слушались его беспрекословно. Если бы он сказал плести из колючей проволоки — мы бы плели и плакали от гордости.

А потом уже мы с другом начали креативить сами. Пошла эволюция. Мы начали строить для наших проволочных человечков целые шхуны из фанеры и спичек. У каждого пирата была кличка, биография, характер и боевая задача на корабле. Мы даже сняли первый многосерийный фильм! Сага о пиратах. Снимали, естественно, понарошку — на камеру, сделанную из спичечного коробка. Режиссер кричал: «Мотор!», пираты падали за борт, коробка зловеще шурша-

ла. Чистый Голливуд, только без бюджета и спецэффектов.

Позже брат научил меня настоящему макраме. Эти узелки — удивительная вещь. Сначала ты плетешь из них кольчугу для солдатика, а потом... потом ты вырастешь. И те же самые узелки превращаются в изящные колечки и фенечки для соседских девочек. И ты понимаешь: о, а проволока-то работает! И еще как работает!

Мы выросли. Думаю, мой брат и сейчас помнит все эти узлы. Но плести мы, конечно, уже ничего не будем. На это нужно слишком много времени, терпения и телефонного кабеля, который нынче дефицит.

Сейчас лучше просто сесть рядом. Разжечь дрова. Поставить на огонь тяжелый казан, чтобы там неторопливо булькало что-то очень вкусное. И просто поболтать.

Потому что самые прочные узлы мы с ним уже завязали. Тогда, в детстве. И эти узлы ни один гусь в мире развязать не сможет.

ГРИБНОЙ НОВЫЙ ГОД

Машину папа купил только в девяносто пятом году. Права получил тогда же — ему уже было за пятьдесят.

А вот до покупки машины поездка на дачу превращалась в полноценный квест. С элементами драмы.

Вариантов добраться было множество, и все — плохие. Иногда нас подвозили соседи. Но только часть нашей семьи. И это можно понять. Вы пробовали засунуть в советский автомобиль две семьи? Дачник в дорогу не собирается, он эвакуируется. Каждый едет с детьми, собаками, рассадой, рубанком и даже удобрениями, чур меня. Свободного места в салоне оставалось ровно столько, чтобы туда поместился один глубокий вздох водителя.

Самый классический маршрут — автобус от Измайловского парка. До которого сначала надо было целый час трястись в метро.

Но был и другой путь. То ли родители так сильно любили приключения, то ли автобусов на всех не хватало, но мы часто ехали на электричке с Курского вокзала. Время в пути мгновенно увеличивалось с трех часов до шести. А иногда — и на целый день. Для ребенка шесть часов в дороге — это вечность. Это целая отдельная жизнь, в которой ты успеваешь вырасти, закончить начальную школу и возмужать.

Электричка везла нас в Павловский Посад. Родину знаменитых платков и Штирлица. Какое отношение Штирлиц имеет к рассаде? Никакого. Но внедриться в местный пригородный автобус без предварительной разведки было невозможно.

Давка стояла эпичная. Плотность измученных, агрессивных советских дачников на один квадратный сантиметр зашкаливала. Мама в такие минуты закрывала меня собой и кричала на весь салон страшным, пронзительным голосом:

— Товарищи! Граждане! Не задавите ребенка! Мой муж — кандидат наук, он вас убьет!

Звучало это весомо. Папу никто не видел, но образ яростного кандидата наук, сносящего всё на своем пути ради сына, заставлял толпу расступаться. Люди пугались интеллекта.

Дождливый сентябрь. Мы едем с мамой вдвоем. Брат уже поступил в университет и остался в Москве — радоваться свободной квартире. Мы проходим этот квест через город Штирлица.

Наконец наш автобус сворачивает на разбитую щебенку. Ура! Щебенка — это наш местный ориентир. Значит осталось пять поворотов и три километра до папы. На улице льет классический, унылый осенний дождь. Я, полусонный, лежу у мамы на коленях. Нам наконец удалось сесть, потому что какая-то счастливая семья вышла раньше — возделывать свою плантацию.

Автобус останавливается. Двери со свистом открывают-

ся...

И на остановке, под проливным дождем, с огромным зонтом стоит папа! В шинели и резиновых сапогах. Он взял отпуск и уже неделю жил на даче совершенно один — достраивал нашу новую веранду.

Мы вышли. Обнялись. Родители нежно поцеловались. Папа легко, одной левой рукой поднял весь наш неподъемный багаж, накрыл нас куполом зонта и заинтриговал:

— Пошли скорее. Дома сюрприз!

Мы заходим на веранду. И нас буквально сносит с ног невероятным, густым, сумасшедшим ароматом белых грибов.

Электричество в СНТ, естественно, отключили — это была еще одна добрая дачная традиция. Есть дождь - нет света. Родители зажгли свечи. И веранда мгновенно превратилась в сказочный, новогодний зал. Весь потолок — весь! — был украшен гирляндами из сушеных грибов. Боровики и подосиновики висели как праздничные шары.

Грибы были везде! Кастрюли, миски, банки с отварными и засоленными белыми стояли на столе, на стульях, на серванте и даже на выключенном холодильнике. Это был великий, аномальный грибной год. Лес буквально капитулировал перед папой.

На плите томился грибной суп, а на сковородке шкворчали свежие шляпки с луком и картошкой. Мы сидели при свечах, ели этот кулинарный шедевр и слушали, как дождь

барабанит по крыше веранды.

Правда, потолок папа докрасить так и не успел. Ему было некогда! Какой тут ремонт, когда в лесу стоят и ждут благородные грибы? Работа не волк, а вот белый гриб червяк съест быстро.

Прошли годы. Очень много лет. А потолок на нашей веранде до сих пор покрашен ровно наполовину. Выглядит это сейчас невероятно стильно. Как будто так и было задумано лучшими дизайнерами. Концептуализм! Зона контраста!

И я вот думаю: может, папа тогда, в девяностых, всё так и планировал? И мама совершенно зря расстроилась в тот вечер из-за недокрашенных досок? В конце концов, у настоящего художника всегда должен оставаться элемент незавершенности. Иначе это не жизнь, а мебельный каталог. А у нас в Сопово всегда была жизнь. Настоящая, пахнущая дождем и белыми грибами.

КАРЬЕРНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

Мой старший брат поступил в СТАНКИН — с хорошими баллами, мог выбрать любой факультет, но выбрал тяжёлый путь: пошёл страдать вместе с одноклассниками, которые поступили по нижней границе проходного балла — с тройками. Так сказать, идеология мученичества в техническом ключе. И это — подвиг. Чистый инженерный подвиг.

Я в то время засыпал под Metallica, Modern Talking и «Моральный кодекс». Брат ночами чертил — такой тихий, сосредоточенный, он втыкал циркуль в бумагу, а я слушал приглушённый шорох его кассетного магнитофона. Утром — школа, он — ещё спит на соседней кровати, сладко и уверенно, как будто у него нет ни зачётов, ни пар. Иногда мы не виделись по несколько недель: он в сессиях, я в школе. Писали записки.

«Привет! Как в школе?»

«Нам дали студента из Англии. На переменах футбол, английский мат, биологию прогуляли — без последствий. А у тебя?»

«А у меня танки. Военная кафедра начнётся. К бабушке поедем — расскажу».

Годы шли, мы познавали мир, а он нас. Вместе. В одной комнате. Весело. Экспериментально. С углублённым изуче-

нием отсутствия сна.

И вот приходит брат-первокурсник весь расстроенный с военной кафедры.

— Собака у гаражей покусала, — говорит. — Мелкая такая шавка... Тихо подкралась сзади, цапнула и ускакала обратно в гаражи.

— Давай ко врачу срочно! — испугалась мама.

— Уже был. Говорят: сорок уколов, или «голову принеси».

— Чью голову?

— Собаки... Пойду к охране гаража обсуждать, — очень буднично ответил брат.

И тут я впервые по-взрослому задумался: неужели в Москве для профилактики бешенства требуют принести чью-то голову? Или это такая древняя поговорка врачей — «принеси голову» — которую переводят буквально люди с грубым складом ума?

Никто собаку не тронул и она была полностью здорова, судя по наблюдениям брата. Но самое интересное, как же он собирался обсуждать это дело с охраной. Представлял я этот важный диалог примерно так:

— Мужики, вы мне пса отдайте по хорошему...

— А когда последний раз его на груминг водили? В ветклинике были?

— За бутылку нужна... голова пса!

— Молодые сатанисты из СТАНКИНа вам водку переда-

ли, — куда поставить?

— Отдайте пса на день, для дела...

— Опричники мы. Царь к вам послал за головами...

Это было забавно. Потому что в этой абсурдной сцене отражалось всё наше время: суровые 90-е, стыд, юмор и умение договариваться. Удивительно, но этот укус добавил брату уверенности. Он подошёл к полковнику на кафедре и сказал: «Я могу вам помогать творчески: стенгазеты, оформление — это моё. Я буду делать работу, но не посещать занятия — у меня смысл другой». Полковник посмотрел на самоуверенного юношу, помолчал и сказал: «Делай».

И брат стал делать стенгазеты, вместо скучной явки. Экономия времени — и жизнь продолжается. Вот такая штука. Дворняжка у гаражей, которая «цапнула и убежала», кардинально изменила судьбу человека. Полковник доволен, стенгазета хороша, брат счастлив — он делает то, что любит, и при этом не теряет время на то, что ему не нужно.

Мораль? Простая, как отвертка: жизнь — непредсказуема. Иногда для карьерного поворота не нужно ни диплома, ни гранта, ни разговора с деканом. Достаточно — дворняги, которая вовремя укусит. Так что если кто-то говорит вам, что технический университет не даёт гуманитарных навыков — не верьте. Университет даёт всё, но только тем, кто захочет. А я теперь думаю: дворняга — это не просто собака. Это карьерный консультант с хвостом.

ЧУДЕСА НОЧНОЙ НАВИГАЦИИ

Папа обустроил наш дачный быт со скоростью света. В первое же лето мы уже жили в собственном доме. Ну, как в доме... Это было стратегическое сооружение три на шесть метров. Восемнадцать квадратных метров абсолютного счастья.

Внутри всё было по-военному компактно: две двуспальные кровати (одна для родителей, вторая для нас с братом), стол у окна, тумбочка с телевизором и небольшая кухня прямо у прихожей. Энергоэффективность домика была зашкаливающая. Папа вкатал в стены два слоя утеплителя, так что одного маленького обогревателя хватало, чтобы через два часа превратить Подмоскovie в центральную Африку. Папа вообще любил топить до экватора, чтобы по дому можно было ходить в одних трусах и чувствовать себя как минимум на курорте.

И вот летом папа решил усилить отопительный контур и установил напротив входа весьма неудачную печь-буржуйку.

Слушайте, я не помню, топили ли мы её хоть раз в жизни. Мне кажется, она стояла там исключительно как инструмент для пыток. За один сезон мы об эту грудку металла ударились всей семьей раз сто. А если посчитать гостей — то все двести. Не было ни дня, чтобы кто-то из нас не страдал.

Мама разрезала мизинец в кровь, папа терял ногти на ногах, я влетал в неё лбом, брат — коленками. Это была наша личная «черная дыра», притягивающая конечности. Мы эту печь ненавидели всеми фибрами души.

Вечер. Я засыпаю под мамины рассказы о том, как они в студенческие годы гуляли по Москве и пили чистый спирт в парках — суровые были времена, романтические. Брат, который уже сам стал студентом, в это время пропадал на костре в лесу. Вернулся в ночи.

Брат у меня вообще человек активный. Даже когда спит. Он ночами часто «доигрывал» эпизоды из жизни — разговаривал, спорил с кем-то невидимым, а иногда и лунатил. Ходил по дому с закрытыми глазами. Мы его никогда не будили — знали, что это опасно для психики, просто наблюдали.

И вот этой ночью он включил режим лунатика на полную мощность.

Лёха лег со мной на кровать, а через час вдруг резко поднялся. Перелез через меня (я даже пискнуть не успел), схватил свое одеяло и решительно ломанулся через всю комнату. Причем траектория его движения вела ровно в сторону нашей проклятой буржуйки.

У мамы включился локатор и сразу сердце ушло в пятки. Она едва не закричала: «Лёша, стой! Разобьешься!» Но сдержалась.

И тут произошло чудо.

Лёша, находясь в состоянии глубокого сна, в полной тем-

ноте... ювелирно, по миллиметру обошел эту железную гадину. Ни разу не задев её своим многострадальным коленом. Он подошел к двери, аккуратно повесил одеяло на крючок для верхней одежды и отчетливо произнес:

— Всё нормально...

Затем он так же искусно, с грацией кошки, обогнул печь, об которую при дневном свете бился каждый божий день, и вернулся в кровать. Мама подождала, пока он засопит, тихонько сняла одеяло с крючка, накрыла его... и только тогда все уснули.

Утром Лёха, естественно, ничего не помнил. Завтрак начался с маминого рассказа. Наш маленький домик трясся от хохота так, что, казалось, сейчас лопнет шифер на крыше.

Брат смотрел на нас с искренним недоумением. Оказалось, что на костре в ту ночь он случайно прожег телогрейку, важный элемент жизни у костра, на ней все сидели. И его подсознание решило: «Хватит потерь! Нужно спасти хотя бы одеяло!»

Удивительная штука — человеческий мозг, товарищи. В сознании мы бьемся об углы и наступаем на одни и те же грабли. Но стоит нам уснуть — и мы становимся гениями навигации. Жаль только, что это работает исключительно в три часа ночи и только с одеялом в руках.

БАЛЕТ У ВАТЕРЛИНИИ

Лето. Жара под тридцать. Мама в огороде. Это, товарищи, не работа. Это, по сути, бессрочное рабство на шести сотках, где ты поклоняешься каждому огурцу, а помидоры требуют к себе такого внимания, как дети-подростки.

Папа, видя это ежеутреннее страдание, принимает стратегическое решение. И объявляет:

— Зови Татьяну. Пора охладиться.

Мама, конечно, пытается отказаться. Огуречные грядки зовут, помидоры просят воды, картошка шепчет: «Полей меня!» Но столбик термометра не даёт ей этого сделать. На даче ведь и отдыхать нужно. Даже мамам. И обязательно на живописном, песчаном карьере, где плавный заход на глубину, а вода такая, что с первого взгляда понятно: занырнешь и вылезать не захочешь.

Мы прыгаем в «Жигули». Папа за руль, мама с подругой Татьяной — на заднее сиденье, и мы, дети, на всех свободных местах. До карьера — три километра. Если бы не родители, мы бы уже давно были там на велосипедах, где нас ждала целая кампания друзей. Но если взрослые решили ехать на машине, грех не сэкономить силы. Не нужно крутить педали полтора часа по песку - ура!

Приезжаем на песчаный карьер. Он усыпан дачниками,

как пляж в Анапе. Песчаные замки, надувные матрасы, надувные крокодилы, надувные круги... Да всё что угодно — надувное. Не успел папа заглушить двигатель, как мы, дети, уже в воде. Это наша стихия. Тут нас ждут, тут нам никто не нужен, тут уговаривать нас не надо.

А дальше начинается спектакль. Взрослые долго, сосредоточенно ходят вокруг машины. Папа наконец достаёт из багажника всё, что нужно маме. И быстро погружается в пучину, успев добавить:

— Лариса, это всё. Я пошёл.

Мама с подругой ещё какое-то время уговаривают друг друга зайти в воду. Это такой, знаете ли, ритуал. Философский. Две подружки бальзаковского возраста, в ярких сплошных купальниках и шляпах с широченными полями от солнца, начинают лёгкое движение в сторону воды. Как парусник в безветренную погоду, аккуратно двигаясь по водной глади, они идут. Каждый шаг сопровождается вскрикиванием.

— Ай!

— Ох!

— Ой, холодная!

— Ах!

Карьер замирает. Все дачники, строители песчаных замков и надувные крокодилы — всё это безмолвно наблюдает за этим завораживающим балетом. Папа двумя гребками возвращается поближе к своим «русалкам». Встаёт рядом. И

с хохотом наблюдает за процессом погружения.

Зайдя в воду по ватерлинию, наши мудрейшие мамы начинают приседать. По очереди. В воду. С неизменным головным сопровождением:

— Ай!

— Ох!

— Ой, холодная!

— Ах!

Две плетёные шляпы с огромными полями, яркими лентами и бантами видны с любой точки водоёма. Мы не потерялись. Накупаться в такую жару, конечно, невозможно. Но обед — это святое для мам. Ближе к обеду мы собираемся и едем обратно домой.

Папа вдоволь насмеялся. Нам, детям, не пришлось крутить педали. А мамы, хоть и не хотели, но видно по лицу — очень довольны.

А как известно, товарищи: довольная мама — это не просто краткий путь. Это самый прямой путь к чему-то очень вкусному. К чему-то очень сладкому. И к чему-то очень большому. Иногда даже к домашним пирогам. И это, знаете ли, стоит любых «Ай!» и «Ох!».

ВТОРОЙ РАЗРЯД ПО ЛЫЖАМ

Шахматы, братцы-кролики, это вам не ногой по надувной сфере стучать. Тут бегать не надо. Успех здесь зависит от творческого подхода, психологии и... от того, что именно ты куришь, пока соперник полчаса думает над одним ходом. Иначе этот бездушный компьютер не обыграешь. Чем больше людей тебя тренирует, тем больше комбинаций в твоей бедной голове. А значит — есть шанс на победу. Я люблю этот вид спорта с детства.

Шахматы — это одна из самых древних и популярных логических игр. Интеллектуальный, прости господи, вид спорта. Высшее достижение в нем — звание чемпиона мира. Там всё строго разделено на три акта, как хорошая драма:

Дебют — когда ты еще надеешься на лучшее;

Миттельшпиль — когда ты понимаешь, что вляпался;

И Эндшпиль — когда тебя уже аккуратно, по-научному добивают.

Из действующих лиц на доске: король, ферзь, ладья, слон, конь и пешка, которая очень хочет стать ферзем, но обычно гибнет первой ради общего блага.

Мой папа играл в шахматы всегда и везде. Дома, на даче, в центре города — везде, где пахло теплыми деревянными фигурками и угадывалась характерная клетка. По выходным

он приносил маме бесконечные кубки и награды. Мама почему-то вздыхала.

В деревенском клубе у бабушки папа проводил сеансы одновременной игры «вслепую». Это было зрелище! Папа сидел спиной к доскам и громил всех в пух и прах, произнося эти позывные, почти как из морского боя: конь Е2-Е4. Он обыгрывал всех оппонентов: от профессионалов и друзей-эрудитов до трактористов и юных мастеров спорта.

Я как-то спросил его:

— Папа, ну почему ты никогда не проигрываешь в шахматы?

Папа посмотрел на меня с легким прищуром и ответил:

— Да потому что у меня второй разряд по лыжам!

И всё. Иди думай. На лыжах мы с ним тоже регулярно катались, но лыжи на клетчатой доске не помогают, я проверял лично.

Дома меня окружала шахматная литература. Я историю этой игры знал раньше, чем азбуку. Вокруг были сплошные шахматисты, кого ни возьми — гроссмейстер домашнего разлива. Только вот почему папа выбрал маму — загадка века. Мама в шахматы не играла вообще. Но принимала в них активнейшее участие. Обычно она ругала папу, утирая слезы обиды с наших с братом физиономий:

— Ну хоть раз! Ну хоть раз ты можешь поддаться собственным детям?! Они же плачут!

На что папа, не отрывая взгляда от доски, спокойно и ре-

зонно отвечал:

— Нельзя. Соперник должен быть сильнее, иначе они просто ничему не научатся.

И ведь был прав, черт возьми.

Я, надо сказать, играл с папой почти наравне. Но при одном условии: если перед началом партии я незаметно убирал с его половины поля всю первую горизонталь с основными фигурами. Оставлял ему только пешки и короля. Вот тогда у нас шла равная, напряженная борьба! Правда, ближе к концу партии я начинал дико хотеть спать и великодушно соглашался на ничью.

Я знал всех чемпионов мира наизусть. Благо их и сейчас меньше двух десятков в классической истории. Великие умы за всю историю человечества. В моем мире среди них и папа со своим вторым разрядом по лыжам.

Сейчас я играю гораздо реже, чем в детстве. Время, дела, суета, настолка Тикет ту райд или Билет на поезд. Но знаете... когда удастся выкроить вечер, сесть напротив друга, уловить классную связку и поставить красивую вилку — это такое ни с чем не сравнимое удовольствие.

В конце концов, жизнь удивительно похожа на шахматы. Ты можешь сколько угодно планировать гениальный дебют, расписывать ходы на тридцать шагов вперед, но реальность всегда сделает неожиданный ход конем — и вся твоя стратегия летит под стол.

И в этот момент главное — не паниковать, не объявлять

себе преждевременный пат и помнить: даже самая маленькая, невзрачная пешка, если будет упорно идти вперед по своей прямой дорожке, обязательно доползет до последней горизонтали и станет ферзем.

Если, конечно, её по дороге не сожрет чей-то кот. Но это, товарищи, уже совсем другой дебют!

МАЯКОВСКИЙ НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Кто такой человек рассеянный? Действительно, великие люди игнорировали быт. Полностью концентрируясь на сложных задачах, они забывали носки, ключи, а порой — и дорогу домой. Сократ, Эйнштейн, Ньютон... А у меня в семье таким был старший брат.

Он забывал закрыть входную дверь. Выключить свет. Выключить борщ на плите. Оставить родителям продукты на ужин в холодильнике. Забывал ключи от дома. Все вещи, которые его окружали, рисковали потеряться, сгореть или навсегда уйти в небытие. Брата это, конечно, ничуть не расстраивало. Великие люди — великие во всём. Своей улыбкой, добродушием и волей к великому он тушил любые пожары и претензии со стороны родителей. Просто улыбался, шутил. И мама таяла.

Как человек с тонким юмором, он еще и меня вовлекал в этот процесс. Молча. Взглядом.

После очередной сгоревшей кастрюли с супом мама решила на беспрецедентный, но очень визуальный шаг. Она купила пачку листов А4 и начала клеить по всему дому таблички с напоминаниями: «Закрой дверь», «Выключи пли-

ту», «Проверь кран», «Возьми ключи» и так далее.

Вся квартира была увешана этими напоминаниями, как новогодняя ёлка китайскими фонариками. Как стикеры с желаниями в фильме «Брюс Всемогущий». Надо сказать, что мама подошла к делу творчески: шрифт был на высоте, разноцветные, каллиграфически точные буквы и зазорные стрелки. Выглядело это так, будто Маяковский решил стать директором по маркетингу жилищно-эксплуатационной конторы.

И вот когда ко мне или к брату приходили друзья, а это, как правило, случалось почти каждый день, все, естественно, обращали внимание на эти лозунги.

— Вить, — спрашивали они почти в один голос. — Что, совсем всё плохо?

Все мои оправдания, что это «не мне, это брату! Правда-Правда!» — тонули в улыбках и раскатистом хохоте.

Брат спокойно кивал. Смотрел на меня и с абсолютно невозмутимым видом добавлял:

— Ну конечно, Витя, не волнуйся главное. Все всё понимают.

Друзья ржали и верили моему брату, как мартышки удаву Ка. Брат знал психологию людей. Он знал, как с помощью юмора и иронии завоевать не только высокое доверие, но и право на беспорядок.

А мамины таблички, товарищи, ни на что не повлияли. Супы и кастрюли продолжали гореть. Двери иногда остава-

лись открытыми. Просто я с детства стал внимательнее смотреть за действиями брата и вовремя выключал плиту. Мой личный вклад в сохранение семейного благосостояния.

В конечном итоге, я научился одному: если рядом с тобой живет великий человек, способный забыть даже собственный борщ, не мешай ему творить. Просто купи огнетушитель, проверь плиту, закрой дверь, возьми ключи — и наслаждайся его великой улыбкой. А таблички Маяковского пусть висят. Для красоты. И для истории.

ЗА УШАМИ И МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ

Что самое важное в воспитании ребенка? Верно. Не запустить его увлечения. Контролировать процесс, но делать это так изящно, чтобы объект контроля думал, будто он — абсолютно свободная и независимая личность.

Мама всегда говорила нам с братом: «Мальчишки, приводите друзей к нам домой. Лучше у нас играть, чем по подвалам». Это я теперь, с высоты своих лет и родительского опыта, понимаю, какая это была гениальная спецоперация. Наш дом превратился в уютную лабораторию по анализу нашего окружения. Мама проводила моментальную диагностику каждого входящего на предмет благонадежности, потенциального вреда и общего уровня интеллекта. Друзей в доме всегда было много. Толпы!

К тому же мама у нас — серьезный химик. Заслуженный изобретатель СССР. Человек с таким обонянием и научной подготовкой, что она могла по одному только движению воздуха в прихожей определить марку, возраст, крепость и страну-производителя напитка.

И вот — девяностые. Мой старший брат возвращается с какого-то студенческого капустника. Возвращается «навесе-

ле». Он не буйнит, не падает, не поет революционных песен. Он просто подозрительно счастлив. На все мамины вопросы отвечает блаженной, загадочной улыбкой, умывается и тихонечко уползает спать.

Мы с мамой остаемся на кухне.

Тишина. Но какая это тишина, товарищи! В воздухе повисает такое напряжение, что, кажется, протяни руку — и тебя ударит током. Мама молчит, но в её глазах уже крутится счетчик материнских тревог.

Тут я — двенадцатилетний школьник, у которого мозг, как известно, устроен удивительно: он уже всё знает, но еще ничего не понимает — решаю разрядить обстановку. Вступаю в диалог:

— Мам, ну ты не волнуйся. Лёша же студент. Нагрузки в СТАНКИНЕ дикие. Ему тоже надо как-то расслабляться.

Мама вздыхает, смотрит в окно и тихо так, с надрывом говорит:

— Да... Главное — чтобы не самое страшное...

О! Это же главный кошмар всех родителей. И тут меня, подкованного передачами центрального телевидения, несет:

— Ну, мам! Так это же проще всего проверить! — выдаю я авторитетно, доедая кусок торта. — Ты просто посмотри на его вены. Уколы всегда оставляют следы. А если на руках вен уже нет, то эти... наркоманы... они начинают колоть за ушами и между пальцами.

Мама медленно поворачивает ко мне голову. Глаза у нее

становятся круглыми:

— А ты... ты откуда это всё так подробно знаешь, сынок?

Я снисходительно хмыкаю:

— Мама. Мне двенадцать лет. Я смотрю телевизор. Я знаю про эту жизнь абсолютно всё. Успокойся и спи.

Я ушел спать. И даже представить себе не мог, что заслуженный изобретатель СССР, воспримет лекцию двенадцатилетнего оболтуса как прямое руководство к действию. Научный склад ума, понимаете? Если есть методология исследования — её нужно применить на практике.

Ночь. Глубокая темнота.

Вдруг я слышу, как дверь в нашу комнату приоткрывается. В темноте появляется силуэт мамы. В руке у неё... матушка моя! Переносной железный фонарь на батарейках.

Мама на цыпочках подкрадывается к кровати спящего брата. И начинается досмотр с пристрастием.

Мама, стараясь не дышать, аккуратно берет Лёшу за мочку уха. Отгибает. Светит фонарем. Чисто.

Потом она осторожно вытаскивает его руку из-под одеяла. Начинает детально, фаланга за фалангой, рассматривать пальцы. Разжимает кулак. Светит между пальцами.

Дальше — больше. Мама также начинает изучать его пальцы на ногах!

Я лежу на соседней кровати, натянув одеяло до самых бровей, и беззвучно умираю. У меня судороги. Мой живот сводит от такого дикого, раздирающего хохота, что я кусаю

пододеяльник, чтобы не взвыть на всю квартиру. Это был лучший театр в моей жизни. Таможенный досмотр в Шереметьево по сравнению с этим — легкая прогулка.

Мама, убедившись, что объект чист по всем биологическим параметрам, облегченно вздыхает. Выключает свой прожектор. Нежно целует Лёху в лоб. Поправляет одеяло.

Потом подходит ко мне. Я мгновенно зажмуриваюсь и начинаю изображать фазу глубокого сна с легким присвистом. Мама поправляет мне одеяло, целует и тихонько уходит докладывать папе, что сыновья вне опасности.

Утром за завтраком я не выдержал.

Едва брат потянулся за бутербродом, я во всех красках, лицах и деталях выдал историю про ночной досмотр, прожектор и проверку пальцев на ногах.

Лёха подавился чаем. Папа хохотал так, что у него затряслись руки. Брат смотрел на маму с немым вопросом: «Мама, за ушами-то зачем?!»

Мама молча выслушала этот взрыв семейного юмора, мягко улыбнулась, посмотрела на меня своими мудрыми глазами и сказала:

— Ничего, ничего... Вот будут у тебя свои дети — мы вместе посмеемся.

И она, как всегда, оказалась абсолютно права. Материнская любовь — она не подчиняется законам логики. И если ради спокойствия в доме нужно посветить фонариком между пальцами спящего первокурсника — значит, надо светить.

Без лишних разговоров.

ДРУЖБА

Мы начали еще с детского сада. Мы были как два сапога — иногда пара, иногда левые, но всегда вместе. Мы клеили модели самолетов, невольно вдыхая клей так, что космос становился ближе. Мы купались в лужах, измеряя их глубину подошвами сандалий. Мы ссорились до слез и мирились, потому что одному против хулиганов стоять — это, знаете, стратегическая ошибка.

Мы пробовали мир на вкус. Пробовали вино, которое горчит, и сигареты, от которых кружится голова. Салки на крыше: во истину теперь только понимаешь фразу, что мужчина - это чудом выживший мальчик.

Мы ходили в походы на байдарках, где весло — твой единственный аргумент в споре с течением. Мы чинили мопеды, которые больше стояли, чем ехали, пахли бензином и были счастливы. Мы попадали в аварии, плавил свинец, поджигали и тушили двери, ездили в травмпункты, доказывали миру свою состоятельность.

Мы учились выживать в походах, где выяснилось, что грести — это тяжело, а готовить макароны с тушенкой в темноте — это искусство.

Мы так хотели стать моряками дальнего плавания. Исследовали речку в Битцевском лесу, диггерами ползали по тру-

бам. Моряками мы не стали, но ванну освоили профессионально. В этой чугунной акватории проходили испытания всех собранных нами плавсредств. Испытания проходили в условиях, приближенных к боевым: при шторме в четыре пальца и под молчаливым, полным экзистенциального ужаса взглядом домашнего хомяка. Хомяк понимал: эти двое не останутся.

Мы копили мелочь на танки, на краски, на мечту. Рыли блиндажи и катались на тарзанках. Ходили по музеям и театрам. Впитывали различные формы искусства. Развивались духовно и физически.

Мы вместе выросли. Мыли руки перед едой. Вместе грызли гранит вузов, стараясь не сломать об него зубы. Свадьбы, дни рождения, крестины — мы как тени друг друга, всегда рядом, всегда в кадре. Мы встречали Новый год на Красной площади, проснувшись под утро в депо.

Мы возили шины, мебель, помогали с ремонтом, строили гаражи, снежные крепости и бани. А потом пришли другие времена. Дети. Оценки. Домашние задания.

Реже встречаемся. Жизнь начала ставить нам заслоны из пробок и дедлайнов. Разговоры стали другими. Раньше — «куда пойдём?», сейчас — «как колёно?».

Как же быстро наши разговоры мутировали. Эволюция тем прекрасна в своем цинизме:

Лет в 17: «Ты видел, какая у нее талия?»

Лет в 25: «Ты видел, какая у него тачка?»

Лет в 35: «Ты видел, какие цены на новостройки?»

Лет в 40: «Ты меряешь кислород?».

Мы стали реже видеться, но чаще звонить. Мы стали больше беречь друг друга — боимся позвонить лишний раз, боимся помешать, боимся попросить.

Но мы прекрасно знаем. Мы будем всегда рядом, даже когда весь мир рухнет, и будем пить шампанское, когда все снова зацветёт.

Мы делим горечь утрат и радость побед. Мы стали частью друг друга, как деталь в той самой модели самолета, которую мы клеили тридцать лет назад.

Мы можем не видеться месяцами. Мы можем молчать по телефону. Но мы всегда готовы сделать всё. Абсолютно всё. Потому что всё это время мы занимались главным делом жизни.

Мы учились дружить. И, кажется, у нас получается.

ПАЛЫЧ: ВЫСОКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Палыч — это такой друг, который на всю жизнь. Вот вы говорите: «настоящий друг». А я вам скажу: настоящий друг — это тот, кто всегда где-то рядом. Даже когда его нет дома. Его я помню всегда. Когда я родился, Палыч уже был, это факт. Стоял у коляски, проверял мои навыки.

В детстве они с братом носились по двору с палками, как будто сражались с мировой несправедливостью. По школе — с пионерскими галстуками, которые на них всегда сидели как-то неправильно, зато очень живо.

Наша учительница истории, Ядвига Ивановна, даже спустя семь лет после того, как Паша с моим братом закончили школу, отлично его помнила. Неудивительно. Паша ведь снёс дверь в кабинет истории. Вот это, товарищи, тяга к знаниям! Вот это стремление к пониманию новейшей российской истории! Петли просто не устояли перед Палычем. Дверь в класс истории рухнула с грохотом на пол, а в проёме остался гордо стоять человек с горящим взором. Ни дать ни взять — уже тогда метил в верховные секретари или президенты. А может, просто хотел пройти первым.

После сада, а потом и школы они с братом решили, что ни-

какого смысла нет получать образование отдельно. И поступили оба в СТАНКИН. Это было логично. Вместе учились, вместе гуляли, вместе отдыхали, вместе играли в баскетбол, вместе приезжали на дачу помогать нашему папе строить веранду.

И до сих пор, если посмотреть на потолок этой веранды, можно разглядеть отпечатки длинных пальцев Палыча. Они остались на досках, когда ребята собирали крышу. Вцепились так, будто Палыч был частью конструкции. И теперь эта память хранится в нашей семье. Стоит только поднять голову к потолку веранды — и вот он, Палыч. Всегда рядом.

Тогда же, в студенческие годы, друзья смело ходили за ягодами и грибами, знакомились с девушками, жгли костры до утра и активно знакомились с природой. Это был университет жизни, где Палыч был одним из главных студентов.

Дальше — больше. Свадьба. Мой брат — свидетель у Паши. А потом — крестный у первого ребенка. А Паша — крестный у второго ребенка брата. Можно запутаться в этих крестных связях, как в генеалогическом древе, но факт остаётся фактом: они всегда где-то рядом друг с другом, всегда вместе. Как два столпа, на которых держится мир.

Когда у брата родилась вторая дочь, наша любимая Верочка, Палыч прилетел в Питер в тот же день. Отмечали, говорят, бурно. Меня там, к сожалению, не было, придумывать подробности не буду. Но на следующий день брат позвонил с телефона... Палыча. Сказал, что они дома и всё в поряд-

ке, только вот свой телефон куда-то делся, они его не могут найти. На дворе был конец января.

Весной снег растаял. И брат нашёл свой телефон. Аккуратненько. Подо льдом. Напротив входной двери. Интересно было бы посмотреть, как они его искали в сугробах в тот морозный январский день, когда родилась наша любимая Верочка. Наверное, с фонариком. И с таким же энтузиазмом, с каким Палыч искал знания в кабинете истории.

Палыч даже почти одного роста с моим братом. Вот и получается, товарищи: у них очень высокие отношения! Во всех смыслах. И это не просто дружба. Это такая, знаете, система. Где один — ломает дверь, другой — ищет телефон, третий — восхищается потолком. И всё это вместе — жизнь.

А главное, что в этой жизни всегда есть Палыч. Который если что — и дверь снесёт, и потолок прибьёт, и напомним, что такое настоящие, высокие отношения.

ОПЕРАЦИЯ «ХОМЯК»

Послушайте, это же аксиома: Лего никогда не бывает много. Чем больше разных наборов, чем богаче ассортимент деталей — тем грандиознее будет ваше изобретение. Механизм, лабиринт, циклопическая станция... И когда оно готово, его, естественно, надо испытать. Жизнь требует экспериментов.

Под рукой у нас был кот. Кот, конечно, сообразительный. Умный. Возможно, даже знал квантовую физику, если она касалась падения сосисок со стола. Но габариты... Кот был великоват. Для экспериментов с лабиринтами и механизмом «Лего» он годился только в качестве зрителя, на худой конец критика.

Всё изменилось, когда младшему брату моего друга завели хомяка. Хомяк! Это же просто дар небес для юного инженера! Он был идеально откалиброван. Изначально, конечно, его заводили «для развития коммуникативных навыков» у ребенка. Но мы, как люди с более широким кругозором, тут же поняли: вот он — идеальный испытатель. Необходимых, просто жизненно необходимых габаритов.

И вот, дождавшись выходных, когда квартира оставалась в нашем единоличном распоряжении, мы приступили к проектированию. Мы, конечно, дали Пашке обещание, что хо-

мяк будет сыт, доволен и вообще счастлив. А сами погрузились в разработку подводной лодки нового поколения. Наш «Наутилус» рос на глазах.

Всё это время кот не спускал глаз с испытателя. Он сидел где-нибудь в засаде, вроде штормового барьера, и периодически, будто по сценарию, аппетитно облизывался. Видимо, оценивал потенциальные риски и выгоды проекта.

Наконец, «Наутилус» был готов. Пора переходить к испытаниям. Мы, конечно, не звери: ванную наполнили теплой водой. Аккуратно. Запихали грызуна в продуманное многоходовое пространство. Продуманное, конечно, по нашей мерке.

Испытания были максимально приближены к настоящим. То появлялась волна, то включался душ для имитации тропического ливня, то судно засасывало в воронку открытого слива. Мы наблюдали. И сквозь брызги пытались понять: где хомяку больше нравится? На капитанском мостике или в торпедном отсеке? А хомяк, надо сказать, уже давно превратил всё пространство в галюн.

В какой-то момент хомяк, видимо, так устал испытывать судьбу, что открыл все кингстоны и пошел ко дну. Настоящий герой. Мы, конечно, бросились спасать. Мы же не живодеры. Глупые — да. Безответственные — возможно. Но не живодеры. Мы извлекли героя из воды, но пока копались, разбираясь в причинах крушения (видимо, плохая герметичность торпедного аппарата), наш хомяк ломанулся на свобо-

ду.

Это был логичный, но совершенно неподготовленный побег.

Кот дождался нашего детского факапа. Он просто сидел и ждал. И вот он сделал свой ход. Мы всё поняли чуть позже. Когда увидели сытую черную морду, довольную, как после хорошей охоты, на водопое.

Что поделатъ? Героя назад не вернуть. А Паша, владелец хомяка, должен приехать через пару дней.

Решение пришло само собой. Я знал зоомагазин на Арбате. Мы тронулись в путь. Там, конечно, глаза разбегались от изобилия. Долго всматривались в витрины с опилками, где копошились эти маленькие создания. И наконец, подобрали. Поупитаннее. Точь-в-точь, как наш первый, ставший обедом по неосторожности. Дело было сделано. Мы довольные отправились по домам, с чувством выполненного долга и легким привкусом лжи.

Ещё две недели мы были заняты своими семейными делами. И вот в очередную свободную субботу я иду в гости к другу. Дверь мне открывает счастливый Пашка. Ученик начальной школы. С порога он кидает мне:

— Витя! Я получу Нобелевскую премию! Мой хомяк родил!

И тут же бежит за новой клеткой, в которой аккуратно, как в инкубаторе, лежат девять маленьких, розовых комочков.

Стоит ли говорить? Я мгновенно всё понял. И хохотал про

себя неистово. А потом подумал: «Эх, Димка-Димка... Говорил тебе — не бери слишком жирного. Надо было брать спортивного, холостяка!»

Ещё через несколько недель их стало двенадцать. Потом шестнадцать. Я потерял им счёт. Больше всех, надо сказать, был доволен кот. У него началась эра изобилия.

В итоге родителям друга пришлось отнести всех хомячков в зоомагазин.

Позже, конечно, подлог был раскрыт. Но к тому времени мы уже уехали на летние каникулы. Потому что лето — это время, когда старые тайны уходят вместе с последним вареньем.

Я вот что скажу. Если бы мы тогда в спешке не ошиблись с полом, Пашка ведь реально мог получить Нобелевку. По крайней мере, кот в него верил до последнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.